Алиса Нельсон

Пока ты рядом

Алиса Нельсон

Пока ты рядом

«Автор»
2026

Нельсон А.

Пока ты рядом / А. Нельсон — «Автор», 2026

После смерти отца Ева перестаёт верить во что-то хорошее. Она предпочитает плыть по течению, и всё, что у неё есть, — учёба в университете, дом, ночные кошмары и... Кира. Её лучик тёплого солнца в холодном северном городке.Но однажды привычная жизнь даёт трещину, а розовые очки больно ранят глаза. Можно ли объяснить то, что скрывается за пределами привычного мира? Даже заядлому скептику становится всё труднее верить в совпадения.Иногда самые важные тайны скрываются там, где их совсем не ждёшь.

© Нельсон А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Алиса Нельсон
Пока ты рядом

Часть 1

Кофе льётся мимо кружки и на улице такая темень, что с моим "синдромом попугайчика", при котором как только становится темно – мои глаза автоматически закрываются, хочется вновь вернуться к Морфею. На часах ещё и 6 утра нет, но сегодня я никак не могу пропустить лекцию, потому что будут отмечать отсутствующих. Поэтому сейчас надо успеть собраться за час и сесть на автобус, а ехать до университета мне ещё целых 50 минут общественным транспортом, который я ненавижу больше всего на свете, как мне кажется.

В последнее время моё состояние можно описать как тревожно-депрессивное, хотя я бы не назвала это полноценной депрессией, потому что порой у меня бывают и красочные дни. А еще я знаю, как выглядят люди, которые находятся там, глубоко внутри себя и в своих самых страшных кошмарах. Моё состояние частенько скорее как "я не хочу видеть людей", или "я не хочу выходить на улицу", ну или ещё "я не хочу краситься или выглядеть хорошо, потому что мне всё равно". И нет, мне не всё равно, что скажут люди, но так сложились обстоятельства, и пока я живу в этом дерьме.

Минуты не хотят замедляться и тикают с неимоверной скоростью, и, хотя мои сборы состоят из умывания, одевания и чашки кофе, я всё равно вот-вот опоздаю на автобус, поэтому натягиваю шубку, сапоги, беру сумку, параллельно закидывая туда всё необходимое для непредвиденной писанины, в один захват забираю ключи и наушники, и выбегаю из дома. До остановки тащиться еще 10 минут, но моя тревожность говорит мне о том, что я не могу сейчас включить музыку в наушниках, потому что нужно останавливаться, и, в связи с этим я просто быстрым шагом направляюсь к месту отправления, закутавшись в воротничок.

***

На остановке снова будто тысяча людей, я в предвкушении того, как мы все вместе будем поджимать друг друга в автобусе и умирать от духоты, не смотря на -30 на улице. Теперь во мне ангел и черт спорят друг с другом и один говорит растолкать всех и лезть вперед, ведь на паре будут отмечать, а другой говорит, что надо быть добрее к людям и я выбираю второго, но отмечаю для себя, что неправильно его поняла. Я просто плыву по течению. Влезу - хорошо, нет, так нет. Вдалеке виднеется нужный автобус и да, он уже наполовину полон. В полном принятии я достаю сигарету и сладко подкуриваюсь, потихоньку отходя от места, где по идее должна будет находится дверь, когда автобус приедет. Пока в зубах тлеет сигарета, я снимаю перчатки и достаю телефон, чтобы включить музыку. Начинаю листать свой плейлист, в надежде найти что-то достойное моего настроения сегодня, кто-то вдруг вытягивает мою сигарету. Я оборачиваюсь и вижу, как ей затягивается, а после выкидывает даже не бычок, а всю половину, моя лучшая подруга Кира. Автобус подъедет через считанные секунды, подруга взяла меня под руку и подвела к двери автобуса, растолкав по пути проклинавших нас бабулек. Она всегда была такой: уверенной, дерзкой и бойкой, дополняя порой мою прокрастинацию. Я не сказала бы, что мы слишком разные, и я люблю эту Мусю, без неё никуда. Ей бы быть моделью, может. Когда-то давно мы думали вместе ими стать и покорять подиум, но это были шутки. Хотя насчет неё я не шутила. Она чуть выше меня, ростом примерно 177-178, худощавого телосложения, но с грудью и попой, и идеальными прямыми каштановыми волосами. Её зелёные глаза прожгут любого - стоит ей посмотреть в сторону парня, тот уже не сможет отвести от неё взгляд. Аккуратный носик и пухлые губы, в общем, как говорится - всё при ней. Что касается меня, то я особо красавицей никогда себя не считала, хотя многие говорят

обратное. Со своим ростом в 172 см я будто не доросла до высоких, но и невысокие не принимают меня в свои ряды. Худощавое телосложение есть и у меня, только вот без груди и попы, да и благодаря гадкому РПП пару лет назад, а не генам. Моё лицо со "Slavic Stare" и курносым носом выглядит немного странно, потому что мне всегда казалось, что курносые люди не могут иметь такой взгляд, будто смотрят на что-то очень неприятное. Зато синие глаза - спасибо маме за них. Волосы я убила давно, когда решила, что белый цвет -крутой, но с тех пор мало что поменялось. Волосы лучше не стали, и меня до сих пор никто не переубедил про цвет.

Пока я размышляла про нашу внешность, прошло уже часа пол, но Кира, обычно довольно болтливая, не произнесла ни звука. Я спустила руку на поручне ближе к её руке и ткнула мизинчиком. Она глянула на меня, улыбнулась и спросила:

— Заигрываешь? — Кира прикрыла мою руку своей рукой. — Смотри, Евочка, мы не в клубе, тут от парней отбиваться не нужно.

— Ну и ладно, — фыркнула я. Помолчав минуту, я приблизилась к ней вплотную и спросила на ушко: — Кир, всё гуд? Мы уже почти приехали, а ты до сих пор ни слова не проронила. Может, я тебя чем-то обидела?

— Брось, — ответила Кира убирая от моей руки свою руку и глядя в окно. - Сегодня день как-то тяжело начался, вот и всё. Всё в порядке, не переживай, кот.

Спустя 10 минут наш автобус уже подъезжал к нужной остановке. Люди уже начали вскакивать со своих мест, расталкивая остальных, чтобы быстрее выйти, что ли. Все куда-то торопились и спешили, злые, сонные, уставшие лица просто заполоняли всё вокруг. Подождав, пока все выйдут, мы плавно выкатились с автобуса, оставалось еще где-то 20 минут до начала пары. Мы перешли дорогу в сторону университета и отошли к нашей импровизированной курилке. Кира достала "Собрание" и угостила одной меня. Подкурившись, мы продолжили автобусный разговор.

— Да, Кир, у меня тоже было утро паршивое. Я всю ночь не могла нормально уснуть, месяц кошмары мучают. Потом всё из рук валится, и совсем не хватает времени. Ещё и мать вчера нервы вытрепала перед сном, всё ей не так, — я заметила, что Кира смотрит в одну точку, и завершила: — Я могу не говорить, если тебе всё равно.

Кира обратила на меня внимание и как-то грустно бросила:

— У меня бабушки ночью не стало. Я вообще не хотела говорить об этом, боюсь, что не вывезу этот день. Мы не были в хороших отношениях, но всё равно как-то грустно всё это.

Я посмотрела на неё и увидела, как с уголка глаза потекла слезинка. Маленькая и недостаточная для того, чтобы разрыдаться, но достаточная для того, чтобы я поняла, как ей тяжело. Я подошла к ней, и крепко обняла, уткнувшись носом ей в щеку.

— Это самое мерзкое утро. Но я хочу, чтобы ты знала, что я рядом, — прошептала я.

— Я знаю, спасибо тебе за это, — она смахнула слезинку с щеки и мы пошли к корпусу.

***

Хоть мы с Кирой учимся на одном курсе, однако пересекаемся порой крайне редко. Первая пара - языковая, и пока я борюсь с английским на уровне А2, Кира болтает на французском, как на втором родном языке на одноименной паре. Второй и третьей парой выборочные элективы, поэтому увидимся мы только на обеденном перерыве между ними. После английского я в потерянном состоянии бреду на электив "Основы психологии".

В аудитории уже вовсю шумели одногруппники, и я подумала о том, как же они все меня бесят. Я пробралась на самый верхний ряд и заняла место с краю, поставив рядом с собой сумку, чтобы место никто не занял. Я посмотрела на часы, они показывали уже 10:12, я сложила руки на парте, опустила на них голову и засмотрелась в стенку. От мыслей меня отвлек голос преподавателя, который только что влетел в аудиторию и поздоровался со всеми. Отметив присутствующих, он начал свою лекцию.

— …стрессовых ситуациях… переключить внимание… — доносилось от доски обрывками, будто профессор говорил со дна бассейна. — …без саморегуляции… контроль над мыслями…

Я бездумно крутила в пальцах ручку, уставившись на абсолютно чистый лист тетради. Конспектировать не было никаких сил.

«У меня не стало бабушки...» — эта короткая фраза, которую подруга обронила перед самым началом пар, набатом стучала в моих висках.

В голове не укладывалось, почему всё происходит именно так. Мне было невыносимо от мысли, что с утра я начала жаловаться на свои проблемы не понимая, что раз Кира молчит, значит что-то случилось. Ведь я знала, что кроме бабушки у неё здесь, в этом холодном и северном городке, никого не было. Их маленькая двухкомнатная квартирка была единственным её домом с самого рождения. Других родственников здесь не было, ведь её папа Николай давно жил один где-то в Дании, в маленьком городке Рибе. Он свободный, закоренелый холостяк, который лишь изредка присылал деньги, но никогда не присутствовал в жизни Киры по-настоящему. Я понимала, что сейчас она осталась абсолютно одна. Хотелось ринуться к ней аудиторию и прижать её, как маленького котёнка, пожалеть, погладить и миллион раз сказать, что я рядом. Хоть у неё были и не совсем хорошие отношение с бабушкой Мартой, я знала, что в глубине души она её по-своему любит.

Профессор у доски продолжал что-то увлеченно рассказывать о техниках глубокого дыхания, но я думала только об одном: скорее бы кончилась эта пара.

Я тыкнула в свои часы, чтобы увидеть время. Уже 11:40, мои ноги задергались, я готова была выбежать с аудитории уже сейчас, и начала прожигать взглядом преподавателя.

— Юрий Николаевич, уже время обедать, мы кушать хотим, — выкрикнул одногруппник с третьего ряда. Я немного наблюдала за ним сегодня, тот еще раздолбай. Всю лекцию он шептался со своим другом, шутил и что-то увлечённо подглядывал в тетради девушки, сидящей ниже.

— Да, спасибо. На практике я вам всем задам несколько вопросов, касательно сегодняшней темы. Все свободны, можете идти.

Я, будучи уже наготове, ринулась в коридор корпуса и впустую прождав там пару минут, в надежде заметить Киру, забежала в гардероб, накинула тысячу своих вещей и направилась в наше местечко. Вообще, мы там впервые увиделись перед поступлением в уник, а потом оказалось, что мы ещё и учиться будем вместе, да и ездить на учёбу тоже.

Это начало парка у небольшого магазинчика, где можно купить горячие напитки и что-то на перекус. В парке довольно густой лесочек, и кто-то когда-то в самом сердце этого густого лесочка соорудил там скамейку и столик, вполне приличные с виду. За все полгода наших встреч на этом месте мы ни разу никого там не встречали, поэтому просто закрепили его «своим». По пути туда я зашла в магазин, взяла американо и какой-то протеиновый батончик без сахара. Уже на месте что-то вдруг екнула у меня в районе солнечного сплетения. Почему я не подумала о том, что ей может и не до еды сейчас? Может она там в туалете рыдает, каждый раз пытаясь подправить свой макияж?

В потоке своих мыслей я не заметила, как кто-то плюхнулся на лавочку рядом со мной.

— Фу, долгая и нудная пара, - услышала я голос Киры. — Ты чего такая загруженная?

— В своих мыслях. Я переживала за тебя, а ты, смотрю, огурчиком, — я подтолкнула ее плечом.

— Внутри я переживаю, кот, без этого никуда. Но грустить об этом постоянно я не хочу. Наша жизнь не бесконечна, я прекрасно это понимаю. Нужно просто хотя бы стараться успевать сделать важные дела, — она на минуту замолчала.

— Знаешь… — Кира покрутила свой стаканчик, поставила рядом с собой и отодвинула. — Я жалею, что обнимала её редко. Думала, ещё успею. — Она усмехнулась. — Буду скучать

по её ворчанию, что я опять неправильно режу картошку для супа. Всё, хватит. Я уже проплакалась ночью, ещё поору где-нибудь в лесу. Давай не о грустном...

Кира взяла попробовать мой кофе, отпила глоток, скорчилась и бросила:

— Ты как это говно пьешь? Горько, без сахара и сливок. Не говори мне, что ты ярый ценитель кофе только. Из автоматов они никогда не будут передавать вкус, — она игриво улыбнулась.

— Слушай, но это лучше, чем взять капуч, а потом два пальца в рот, — попыталась пошутить я. Кира прекрасно знает о моем РПП в прошлом, но никогда мне за это не высказывала, не обвиняла и не говорила, что это ерунда. Она поддерживала меня с момента нашего сближения и, может, без её поддержки моя самооценка была бы на нуле.

Мы проболтали почти весь перерыв, у нас оставалась ещё одни раздельные пары, где будет уже практика, на которой точно не будут отмечать. Я написала одногруппнице, что после обеда у меня свело желудок и я поехала домой. Тоже самое сделала Кира. Кажется, будто со школы осталась привычка придумывать оправдания своего отсутствия, но, с другой стороны, некоторые преподаватели категорически потом не будут ставить зачёт автоматом. Прогуливаю я редко, а вместе мы это делаем ещё реже. Поэтому наша совесть была почти чиста.

На улице быстро темнело, и с приходом темноты становилось будто ещё холоднее. Мы решили, что до последнего автобуса посидим в пиццерии поблизости, и пообмываем косточки нашим бывшим.

***

Вообще наши последние отношения сложно назвать настоящими. С Никитой я познакомилась в чат-боте, а через пару дней мы уже встретились. Он был галантным, не матерился при мне, дарил цветы, водил по ресторанам и говорил, как ему со мной повезло, и спустя пару месяцев дело дошло до секса, и всё изменилось: я привязалась, а он начал отдаляться. То денег на проезд нет, потому что всё ушло на сигареты, то он с парнями, то родителям надо помочь. Я часто плакала Кире, она ни разу не сказала мне его бросить, только повторяла, что такой опыт зачем-то нужен.

В очередную пятничную истерику мы наскребли по карманам денег и поехали в клуб. Там мы увидели Никиту, и я бы больше удивилась, если бы его там не было. Смущала меня одна вещь – он там был с другой девушкой. Они стояли в углу и шушукались. Я посмотрела на Киру и увидела в её взгляде, что она была готова его уничтожить, пока я, как дура, до последнего надеялась, что это просто подруга. Я только решила направиться к ним, но Кира резко дёрнула меня за руку, и тут я увидела, как его ладонь медленно ползёт под юбку той девушки, а взгляд упирается в её губы. Они начали целоваться.

Всё вокруг будто выключили. Музыка стала глухой, как из-за стены, а голоса превратились в далёкий гул. Я видела только их двоих, остальное расплылось. Щёки и уши вспыхнули, словно меня ударили, и продолжали бить со всем силы по голове, по животу, по лицу, а тело мелко и неудержимо затряслось. Внутри разверзлась пустота: это был не просто обман, а ощущение, что меня стёрли. Всё, что он говорил про «повезло», оказалось ничем.

Кира довела меня до самого тёмного столика, принесла четыре стакана виски с колой и, непривычно строго, велела:

— Сиди тут. Пей, слушай музыку, но ни с кем не общайся и не уходи.

Я не могла иначе. Кира пошла к девушке выяснить, знает ли та про нас. Она улыбалась, жестикулировала и ни разу не посмотрела в мою сторону. Они попрощались, и подруга вернулась ко мне с лицом «сейчас такие сплетни расскажу!».

Я слушала её рассказ отрывками. Девушка оказалась в курсе: Никита встречается не с одной и не с двумя. Все знают друг о друге и «экспериментируют с отношениями». Про меня тоже знали: он подавал меня как «другой временный опыт». Мне казалось, что хуже со мной ещё никто не поступал.

С тех пор я не лезу в романтические истории, мне хватает рассказов об интрижках Киры. Серьёзные отношения у неё были один раз. Рассказала она мне об этом спустя месяц после знакомства, пьяная, глядя куда-то в стену и ровным голосом, как рассказывают чужую историю: ей было 16, ему 19. Она любила его безумно и была готова на всё, а он поднимал на неё руку из-за короткой юбки или если она хотела провести с ним больше пары часов, а его ждали пацаны в гараже. Спустя неделю после знакомства он взял её силой в машине, а она убеждала себя, что вроде бы была согласна. Через четыре месяца Он снова её избил, и на этот раз остались большие ссадины на лице, руках, ребрах, и тут она пригрозила снять побои, если он будет её преследовать, и ушла. Всё остальное были короткие интрижки, которые Кира обрывала сама, когда парни слишком настойчиво бегали за ней.

***

Мы быстрым шагом дошли до пиццерии и там взяли себе по молочному коктейлю. Народу в заведении было совсем немного, пару последних столиков занимали каки-то группы школьников, привлекая к себе внимание громким разговором и смехом. Я оглянулась, и заприметила стол в углу, рядом с детской комнатой и окном. По моим каким-то внутренним подсчетам детское время в пиццерии кончилось, поэтому шумных детей там быть не должно в ближайшее время. Мы пошли к нему и устроились друг напротив друга. Я стала рыться в сумке в поисках зарядки для телефона, и краем глаза заметила, как Кира снова залипла в окно. Под столом я нащупала розетку, поставила на зарядку свой телефон и сказала:

— Смотри, Мусь, как снег красиво падает. Такими переливающимися бриллиантами… — Я готовилась задать очень сложный вопрос, но знала, что должна была спросить. — Слушай, Кир, а что с похоронами?

Кира даже не повернулась в мое сторону, но перебила, продолжая умиротворённо смотреть в окно:

— Кот, отец уже нашёл здесь человека, который займётся всем, что связанно с похоронами. С какой-то там специальной организации, что ли. Но сам не приедет, не получается. Её кремируют и после отправят к отцу, там как будет, не знаю, — голос Киры задрожал, и я поняла, что она вот-вот расплачется. Я пересела со своего места к ней и взяла за руку, какое-то время мы просто молчали, а потом она повернулась ко мне, обняла, и тихо разрыдалась в моё плечо.

Обсудить бывших, настоящих и будущих не вышло, но мне особо и не хотелось. Главным было поддержать подругу, я понимала только частично, как это можно было бы сделать, ведь однажды тоже лишилась близкого человека. И пока Кира плакала у меня в объятьях я обратилась в свои воспоминания.

***

Мне только исполнилось 16, когда впервые я узнала, как больно может ломаться стержень внутри себя, и как невыносимо болит пустота в груди после потери. Я помню, что тогда в конце сентября выпал первый снег, а к концу октября уже вовсю бушевала погода. В тот ужасный день я не спешила домой после школы, хоть и был уже лютый холод, я села на лавочку и наблюдала за лысыми деревьями и мелким, колючим снегом. Моим желанием на тот момент было прослушать старый любимый трек одного северного артиста, поэтому я распутала наушники, нашла лайтинг, подключила всё и отправилась в этот невероятный транс. Мой мозг поймал фразу, в которой говорится о том, что автор трека не понимает, что больше пригодится – добрый нрав или пистолет, и я подумала, что тоже не понимаю, что эффективнее в этом мире, надеть плотную броню и отвечать агрессией на агрессию или же стать понимающей и принимающей? В моих ушах проиграло уже песен пять, а я до сих пор думала о том, к кому же мне относиться, чтобы сохранить себя. Пока я думала об этом начало смеркаться, и я пошла домой, ещё не зная, что столкнусь с тем, что окончательно меня уничтожит.

Этот вечер проходил как обычно, я дождалась папу Игоря с работы, и мы принялись за готовку. В этот день мама была на смене, поэтому домашняя рутина ложилась на нас, но сильно это не расстраивало. Я всегда была больше «папиной дочей» и меня увлекало всё, что делал он. Иногда он называл меня хвостиком, потому что я всегда за ним бегала, будь то гараж, магазин, рыбалка, или просмотр фильмов по телеку. Папа отлично готовил, и пока я подготавливала ингредиенты для солянки, намывая овощи, он делал все нарезки, зажарки и всякое разное, параллельно рассказывая мне, как прошёл его рабочий день. За несколько недель до этого он переболел каким-то вирусом, но быстро встал на ноги, продолжая работать без больничного.

— Ой, лисёнок, сегодня быстро день пролетел, пока с подрядом по всем местам сгоняли – уже обед, а там и до конца смены рукой подать. Единственное, будто я снова заболевать начинаю. Наверное, стоит взять больничный. У тебя как успехи? Похвастаешься двойками? — ухмыльнулся он.

— Па, не мучай себя. Если болеешь – давай не на ногах. По врачам ты не ходишь, а вдруг что?

Весь вечер мне казалось, что воздух в квартире гуще обычного, как перед грозой, но я решила, что придумываю. Папа как обычно отмахнулся, мы ещё немного поболтали об этом дне, доготовили суп, папа попробовал его, жестом показал мне «класс», мы оставили его настаиваться и пошли в зал, чтобы посмотреть какой-нибудь боевичок.

Вот мы устроились на диване. Папа, как всегда, занял свой уголок у стены, а я забралась с ногами и положила голову ему на плечо, как делала это всё то время, что помнила себя. По телеку кто-то в кого-то стрелял, а папа комментировал почти каждую сцену: «Да ты посмотри, как он пистолет держит! Так и не научились снимать. Хвостик, смотри-ка!», а я уже в голос смеялась и отмахивалась.

На середине фильма он замолчал. Я не сразу это заметила, а просто в один момент мне показалось, будто плечо под моей головой стало каки-то деревянным.

— Пап?

Почему-то меня бросило в жар, комната будто в моменте стала темной, а в нос моментом ударил запах гнили. Все дурные мысли я прогнала.

— Ой, спину прихватило, — сказал он каким-то неестественно сдавленным голосом. — Сейчас отпустит. Наверное, сидел неправильно.

Я отодвинулась от него, и он попытался встать, чтобы размяться, но не смог и принял обратную позу, а я обратила внимание на его лицо в свете экрана: оно было будто серое, мокрое и с очень выделявшейся полоской вокруг губ. Папа, который никогда сильно не болел, вёл здоровый образ жизни и в самых редких случаях обращался к врачам, вдруг посмотрел на меня глазами, наполненными страхом:

— Ев… — выдохнул он. — Маме не звони. Не пугай.

— Так, я вызываю скорую, — сказала я, и трясущимися руками старалась набрать нужные цифры, пока мои пальцы просто не попадали по экрану.

Я не помню, что я говорила диспетчеру, помню только женский голос, спокойный до противного, который спрашивал: «Он дышит? Скажите, он сейчас в сознании?». А я кричала адрес и почему-то два раза назвала не тот номер квартиры, перепутав его с номером дома.

Папа взял меня за свободную руку, а его ладонь была холодной и влажной. На экране телевизора кто-то взрывает мост, а он смотрел на меня так будто пытался запомнить всю до мелочей.

— Ева, — он произносил моё имя с таким теплом и нежностью. — Послушай, доча.

— Папочка, не говори ничего, береги силы, они уже едут, сейчас скорая будет здесь…

— Слушай. — Он сжал мою руку настолько, насколько смог. — Ты у меня… самое лучшее. Лучше всех и всего на свете. Всегда была.

Папа говорил с сильной одышкой.

— Ты меня поняла? — произнёс он очень слабеньким голосом.

— Поняла, — прошептала я. — Поняла я, пап, всё, молчи!

Я хотела, чтобы это была просто фраза, как «передай сольки», но голос сорвался на первом слове:

— Я тебя люблю, — сказала я. — Папуль, ты слышишь? Люблю очень.

— И я тебя люблю очень, хвостик. Маме скажи… — он попытался улыбнуться. — Скажи, что суп вкусный. Получился.

Глаза у него закрылись, а рука разжалась. Не сразу, а как будто он устал её держать.

Дальше всё было, как в тумане. Я снова тыкала по экрану и описала то, что сейчас произошло. Дотошный голос в телефоне велел аккуратно переместить его на пол.

Диван был мягкий, и я понимала, что нельзя на нём никак помочь, но папа весил килограмм девяносто. Я слезла с дивана и легонько потянула его за ноги, и на удивление, получилось вполне легко. Он сполз с края наполовину. Потом я встала над ним, протянула руки ему подмышки немного приподняла и начала осторожно спускать вниз. Вдруг мои пальцы соскользнули с мокрой рубашки, и его тело провалилось из моих рук, а его затылок ударился о ковёр, глухо, будто уронили мешок с картошкой.

— Пап, прости, — закричала я, будто он мог меня услышать. — Прости, прости!

Диспетчер на линии велела давить ему на грудь. Я стала считать вслух, а за моей спиной продолжалась погоня: визг шин, чьи-то крики и сирены. Я хотела выключить это, но даже глазами не могла найти пульт. Скорая ехала двадцать шесть минут. Я потом пересчитала. Но звук удара забыть не смогла.

Я потом слышала его везде, в любой тишине. Он приходил ко мне всегда, он жил в моей голове. Врач сказал: «Аорта. Вы сделали всё, что было в ваших силах». После мама повторяла это мне всегда, и на похоронах, и после, она гладила меня по голове и говорила, что моей вины тут нет. Я кивала. Но знала другое: последнее, что он почувствовал – это как я его уронила.

***

Нет, болеть не перестало. И это щемящее чувство при каждом отклике или триггере вновь возвращает меня в тот день, который никак нельзя изменить. Чувство вины до сих пор сжигает меня изнутри, и единственное, за что я не виню себя – так это за то, что успела сказать ему о том, что люблю его. В тот же день я начала курить и даже не кашляла от первой сигареты. У меня не было друзей или тех, кому я могу сказать о своей боли, маме тоже было не до меня. И тогда мне хотелось, чтобы рядом со мной кто-то постоянно был, гладил по голове, в чьих объятиях я могла раствориться и забыться. Но того, кто рядом бы молчал и не говорил «всё будет хорошо», потому что хорошо уже не будет, и ещё не говорил бы «ты сильная, со всем справишься», потому что в те дни я хотела быть слабой.

Поэтому боль Киры я всё же проецирую на себя немного, пытаясь понять, как ей помочь, и в моменте понимаю, что помощь-то ей и не нужна, ей нужен человек рядом. Даже если снаружи она кажется холодной, стойкой и уверенной, я знаю, что внутри она маленький ребенок, который сейчас как-никогда прежде хочет быть нужным. Именно поэтому наши сплетни откладываются, мы просто сидим рядом и молчим. Иногда её пробирает на слёзы, и она уже несколько раз ходила поправлять макияж. Сотрудники пиццерии странно на нас смотрят и перешёптываются, и мне так хочется кинуть в них этот пустой стаканчик.

— Кирюш, останешься сегодня у меня, может? Завтра вместе на пары поедем, или не поедем, как захочешь.

Она подняла на меня заплаканные глаза и помотала головой.

— Завтра надо будет передать ключи человеку, который будет всем заниматься, рассказать за документы и всё такое, — сделав тяжелый вздох сказала подруга.

— Тогда пошли на автобус, да поехали домой. Наберешь ванну, я позвоню тебе в дисе, вместе посмотрим какой-нибудь фильм, если захочешь?

Кира отстранённо кивнула, мы собрали вещи и пошли к автобусной остановке.

***

Зайдя в квартиру, я быстро сняла сапоги, скинула верхнюю одежу, закинула ключи в ключницу и направилась на кухню. Там уже сидела мама и смотрела какой-то турецкий сериал на планшете. Она давно не работает сменами, перешла на стандартный график 5/2. С того года мы хоть и стали ближе, но теперь её забота порой меня душит. Я прекрасно понимаю, что она боится потерять и меня, но я, вроде, ни разу не давала повода.

Я вымыла руки, зажгла плиту и поставила чайник, подошла к ней, обняла сзади и чмокнула в макушку.

— Прости за вчера, мамуля, — прошептала я. — Сегодня ночью у Киры умерла бабушка, я весь день переживаю за неё.

Чайник, вероятно, ставился недавно, поэтому своим свистом очень быстро оглушил комнату, поэтому я пошла к нему, чтобы навести нам свежего чая с мелиссой и чабрецом.

— Всё нормально. Я переживаю за тебя, ты вечно где-то пропадаешь, дома почти не появляешься, а я одна всё тяну, — начала мама снова, но после смягчилась. — Передавай Кире мои глубочайшие соболезнования. Какое горе… Вроде только недавно виделась с Мартой Эриковной в магазине, поговорили так хорошо, она всё говорила, что с сыном планирует встретиться.

Чашка в моей руке застыла, пока чайник разливал густой запах мелиссы и чабреца по комнате, а отдалённые звуки маминого сериала пытались перебить мои мысли, я всё равно очень напряженно пыталась сложить логическую цепочку в своей голове так, что нахмуренные брови заболели от напряжения. Я вспомнила, что Кира говорила о том, что тело кремируют и после отправят к её сыну, поэтому мне это показалось странным. Хотя, я много раз натыкалась на ветки в тредс о том, что порой люди предсказывают что-то случайно, вплоть до своей смерти. Все эти эзотерические темы, теории заговоров и религия, далеки от меня. Возможно, Николай Александрович действительно планировал приехать к матери и дочке, ведь они сто лет уже не виделись. Надо будет завтра спросить это у Киры, если она будет на парах.

Мы с мамой ещё посидели на кухне. Она вновь сняла сериал с паузы, я допивала чай и смотрела, как за тёмным окном медленно кружится снег. Чайник остывал на плите и тихо потрескивал, а по стеклу ползла капля конденсата, догоняя другую.

— Ты ела сегодня? — спросила мама, не отрываясь от планшета. На экране красивая женщина в дорогом платье грозила кому-то пальцем.

— Конечно, — соврала я и сделала глоток, чтобы не добавлять подробностей. Протеиновый батончик так и остался лежать нетронутым в сумке.

Мама искоса посмотрела на меня, молча поставила планшет из рук на стол, и пошла к микроволновке. Оттуда она достала уже разогретую, но на данный момент еле-тёплую тарелку с гречкой и тефтелями с её фирменной томатной подливой, и поставила передо мной. Я не стала возмущаться, хотя очень хотелось.

— Съешь хотя бы пару ложек, — ласково сказала она, протягивая мне столовые приборы. — Потом можешь ворчать, ругаться на меня за то, что я тебя не понимаю и что ты там ещё любишь делать, — дополнила мама с легкой улыбкой.

Сарказм был читабелен, и он сработал. Обычно меня эта забота действительно раздражает, но сейчас я молча ела, слушая, как гудит холодильник и горячо спорят девушки в маминой сериале.

Я доела эту порцию, встала из-за стола, чмокнула маму в щеку и молча забрала её пустую чашку из-под чая, составив всё в посудомоечную машинку. Мама с улыбкой посмотрела на меня, она была счастлива, что я приняла её заботу.

Закончив с уборкой, я направилась в коридор, предварительно пожелав маме спокойной ночи, сначала она кивнула, не отрываясь от экрана, а потом, когда я уже была в коридоре окликнула меня:

— Ев.

— М?

— Ничего. Просто... хорошо, что ты у меня есть.

— И ты у меня, — ответила я после паузы.

В комнате было прохладно и темно, я любила эту атмосферу, но всегда дополняла её всякими мелкими гирляндами теплых оттенков. Я переоделась, легла и первым делом взяла телефон. Кира была в сети. Я набрала её в дисе, как обещала, и она ответила почти сразу, будто сидела над экраном и ждала.

— Ну что, смотрим? — спросила я.

— Смотрим.

Мы включили какую-то старую комедию, которую обе знали почти наизусть. Кира молчала, я тоже, но иногда в наушниках слышался её тихий смешок, и тогда мне становилось чуть легче дышать. Минут через сорок смешки стихли, и в трубке остался только её ровный, спокойный вздох. Я не стала её будить. Просто убавила звук и свернула окно.

Я лежала в темноте и смотрела в потолок, где от фонаря тянулась тонкая полоска света. Мамины слова не уходили. «Планирует встретиться с сыном». Я снова разложила всё по полочкам: старые люди любят говорить о том, чего им хочется. Дети далеко, внуки заняты, вот и мечтают вслух. Любая логика работала безотказно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.